

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

В. И. Гальцов

КЁНИГСБЕРГСКИЙ НЕСТОР.
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Издательство

Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

2023

ББК 63.3(4Г-4ПРУ)

УДК 908

Г17

Рецензенты

*И.Н. Данилевский, проф., д-р ист. наук (Москва)
Ю.В. Костяшов, проф., д-р ист. наук (Калининград)*

Гальцов, В.И.

Г17 Кёнигсбергский Нестор. Иллюстрированная история Радзивиловской летописи / В.И. Гальцов. — 2-е изд., испр. и доп. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — 269 с.

ISBN 978-5-9971-0745-1

В книге рассказывается об уникальном памятнике древнерусской письменности — рукописной книге конца XV века, известной под названием Кёнигсбергской, или Радзивиловской, летописи. Эта иллюстрированная летопись является одним из сохранившихся списков знаменитой Повести временных лет с продолжением древнерусской истории до начала XIII века. Она повествует о происхождении и расселении восточнославянских племен, о создании Древнерусского государства и правлении в нем первых князей: Рюрика, «вещего» Олега, Игоря, Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого и их потомков — Ярославичей и Мономашичей. Исследуется судьба этой книги, тесно связанная с историей Кёнигсберга (современного Калининграда). Собраны наиболее полные сведения о происхождении рукописи и ее роли в становлении и развитии отечественной исторической науки.

Книга содержит богатый иллюстративный материал, дающий представление о развитии на Руси книжной культуры и древнерусской живописи.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей, может быть использована в качестве учебного пособия студентами — историками и филологами, а также учителями и старшеклассниками.

ББК 63.3(4Г-4ПРУ)

УДК 908

ISBN 978-5-9971-0745-1

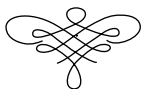
© Гальцов В.И., 2023

© БФУ им. И. Канта, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
«Добро есть, братья, почитание книжное»	8
ЦАРСКОЕ ОТКРЫТИЕ	23
Петр I и Кёнигсберг.....	25
Библиотеки Кёнигсберга	35
Радзивиллы	39
«Странствия» рукописи	55
У истоков российской исторической науки	65
Возвращение «Нестора»	89
История издания летописи	97
«УЧИЛИЩЕ ИСТОРИИ»	111
Русское летописание	113
Повесть временных лет.....	118
Происхождение Кёнигсбергской летописи	128
О чем рассказывает летопись	141
«ОКНА В ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР»	163
Древнерусская книжная миниатюра	165
Иллюстрации Кёнигсбергской летописи	182
Миниатюры как исторический источник.....	195

О происхождении миниатюр Кёнигсбергской летописи.....	204
Как работали художники-миниатюристы?	211
Жизнь, отразившаяся в миниатюрах летописи.....	216
Загадки художников.....	223
До и после Кёнигсбергской летописи	232
<i>Эхо прошлого (вместо послесловия)</i>	241
Благодарности.....	246
Примечания	247
Источники и литература	262



*Вместо предисловия**

Очень давно, более пятисот лет назад, появилась на свет большая рукописная книга, известная под названием Кёнигсбергская, или Радзивилловская, летопись — один из древнейших русских летописных сводов.

Среди памятников истории и культуры есть такие, которые признаются национальным достоянием или раритетом. К их числу относится и эта книга. Ее уникальность прежде всего в том, что она является древнейшей *иллюстрированной* русской летописью из дошедших до нас. В древнерусской культуре иллюстрированные рукописи с сочинениями светского характера вообще большая редкость, тем более с текстами исторического содержания. До Радзивилловской летописи на Руси известна только одна подобная рукопись с иллюстрациями — Троицкий список Хроники Георгия Амартола, а после Радзивилловской летописи — знаменитый многотомный Лицевой летописный свод второй половины XVI века.

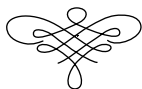
* В книге астерисками (*) обозначены примечания и подстрочные ссылки на источники и литературу, арабскими цифрами — комментарии в конце книги.

Для калининградцев Радзивилловская летопись интересна еще и тем, что судьба ее удивительным образом переплелась с прошлым их города. Не зря М.В. Ломоносов дал ей название «Кёнигсбергский Нестор», имея в виду и одно из наименований, и то, что в составе летописи содержится «Повесть временных лет» начала XII века, автором-составителем которой считается монах Киево-Печерского монастыря Нестор.

Книга со списком Кёнигсбергской летописи была написана в последние годы XV века, в XVII столетии оказалась в Кёнигсберге в составе библиотеки князей Радзивиллов. Поэтому у рукописи двойное название — по месту хранения (Кёнигсбергская) и по фамилии владельца. Начиная с XIX века ее чаще называют Радзивилловской летописью, причем в исторической литературе это название принято писать с одной буквой «л», в отличие от фамилии владельца.

О том, как эта книга попала в Кёнигсберг, где она была написана и как вновь возвратилась в Россию, вы узнаете более подробно из первой главы. Здесь же стоит отметить лишь один важный момент этой интересной истории. Появление и хранение русской рукописной книги в Кёнигсберге, вполне возможно, спасло для нас бесценную реликвию, так как древние русские земли в составе Великого княжества Литовского, где, вероятнее всего, и была создана эта книга, на протяжении XVI—XVII веков неоднократно становились местом ожесточенных сражений во время русско-литовских и русско-польских войн.

Что значит Кёнигсбергская летопись в ряду других древнерусских манускриптов, станет намного понятнее дальше, когда мы выясним: а много ли их вообще было, сколько сохранилось и какую роль они играли в прошлом. Ведь именно рукописные книги являются самым объективным показателем уровня развития культуры и цивилизации Древней Руси. В них сконцентрирована наибольшая сумма информации, которой располагало древнерусское общество.

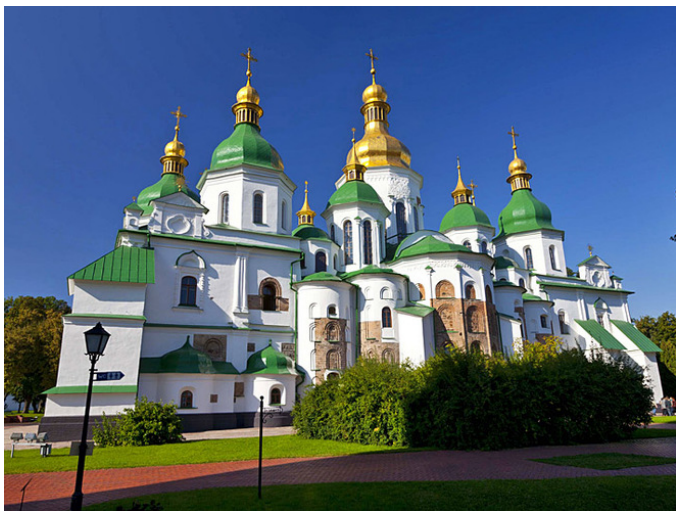


«Добро есть, братья, почитание книжное»

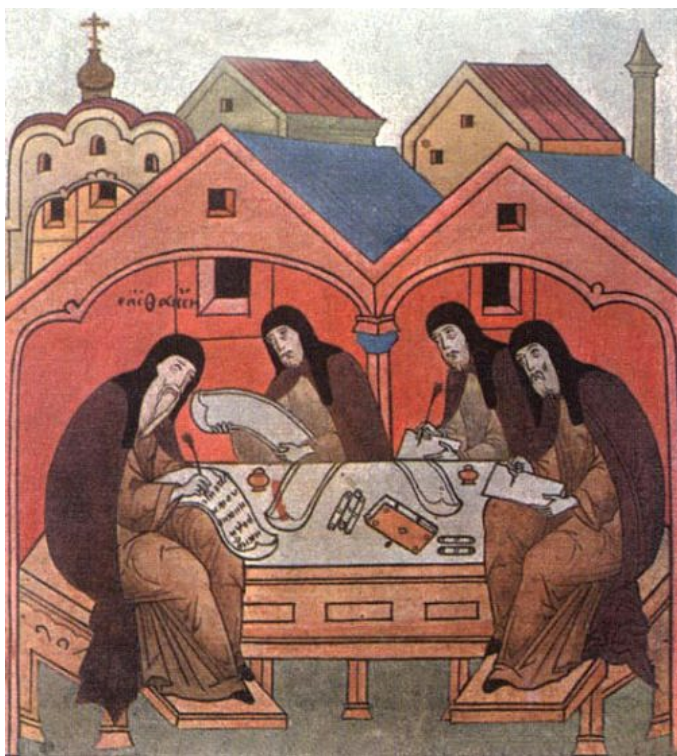
Книги в Древней Руси появились со времени распространения письменности, то есть с конца X века, когда началась христианизация восточных славян. Как известно, православие Русь приняла от Византии, а письменность, основанную на кириллической азбуке, — от южных славян. Поэтому первыми рукописями на Руси были южнославянские, в основном болгарские, переводы византийских церковнослужебных и богословских книг. Киевский великий князь Ярослав Мудрый в 1037 году построил кафедральный Софийский собор в Киеве и при нем же организовал первую русскую мастерскую книгописцев и переводчиков, а также библиотеку. С тех пор стали выходить собственные переводы греческих византийских книг и оригинальные сочинения. Среди последних были и исторические произведения — летописи, точнее своды летописей. Древнейшим таким сводом была «Повесть временных лет».

Переписывание книг считалось делом богоугодным, таким же как, например, иконописание. Переписчиков книг называли на Руси «писцами», или

«книжными писателями», южные славяне — «доброписцами», а греки — «каллиграфами». Писцами-профессионалами были в основном монахи и священники, а среди любителей — люди светские разного социального положения, от князей (Владимир Мономах, XII век) до различных «грешных» и «многогрешных», «поповых сынов» и просто — «робят». Многие из них работали не по профессиональной необходимости, а по христианскому долгу или «во искупление грехов».



Софийский кафедральный собор в Киеве.
Основан в 1037 г.



Переписчики книг. Житие Сергия Радонежского.
Рукопись конца XVI в.

В Средние века книги переписывались в специальных мастерских, которые в Европе называли скрипториями. О древнерусских книгописных мастерских

мы знаем очень мало. Кроме древнейшей мастерской при Киевском Софийском соборе точно известно о существовании на рубеже XI–XII веков скриптория в Новгородском Лазаревом монастыре. В начале XIII века была книгописная мастерская в Ростове при кафедре епископа Кирилла I, а в XIV веке, возможно, во Пскове*. Однако наверняка таких мастерских было немало. Об этом свидетельствует и хорошо развитое искусство книги, и весь сохранившийся богатый фонд древнерусских рукописных памятников.

В XI–XIV веках материалом для письма на Руси служил пергамен. Этот термин, в отличие от обиходного слова «пергамент», используется исследователями древних рукописей — палеографами, потому что он точнее передает исходное понятие, от которого произошло слово *пергамен*, — латинское *charta pergamena* (харта пергамена), что значит «бумага из Пергамена». В Древней Руси для обозначения пергамена использовали слово *харатья* (от греч. «хартия») или проще — «кожа» и «телятина». Кожу для письма стали употреблять еще в глубокой древности на Востоке, а во II веке до нашей эры способ производства писчего материала из кожи был усовершенствован в малоазиатском городе Пергаме, от которого и пошло название пергамена¹. На нем писали гусиным пером медленным, торжественным письмом — уставом или

* Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2009. С. 6–7.

полууставом. Каждая буква выписывалась отдельно, и в течение дня писец переписывал не более полутора листов большого формата. Неудивительно поэтому, что в одной из первых приписок-послесловий, сделанных к основному тексту Евангелия 1164 года, писец восклицает: «Как радуется жених о невесте, так радуется писец, видя последний лист».

Писцы стремились быть максимально внимательными и не допускать ошибок, появление которых считалось грехом, особенно при переписке церковно-служебных книг. Однако возможность ошибок полностью не исключалась, так как «писал не дух святой и не ангел, но рука грешная и брeнная», и писцы старались объяснить их причины и оправдаться в послесловии: «Если же криво написал где или строку перескочил от своей грубости и от молодости ума, или задумавшись, или с другом разговаривая, или впад в какой-либо соблазн, или бесстыдные слова говоря, или на какой позор смотря в забытии пропусти слово или строку от своего неразумия, — то вы, отцы и братья, не кляните меня Бога ради».

После переписки текста рукопись обычно украшали орнаментом и рисунками-миниатюрами. Затем листы соединяли в тетради, которые сшивали вместе, и получалась книга. Ее могли переплести — как тогда говорили, «покрыть досками». Для этого тетради пришивались к кожаным ремням, концы которых прибивались гвоздиками к деревянным доскам. Снаружи доски («дски» или «дъски») обтягива-

лись («поволакивались») кожей или какой-нибудь (часто очень дорогой) тканью. Для сохранения книг к переплетам прикреплялись кожаные застёжки с медными петлями на концах. Переплеты некоторых книг (например, напрестольных евангелий) покрывались серебряными или золотыми окладами. На них делали чеканные рельефные изображения евангелистов по углам, а в центре — какой-либо сюжет из Евангелия. Сверху оклад мог быть покрыт сканью из тонкой витой золотой проволоки, а также унизан драгоценными камнями (чаще всего изумрудами, сапфирами, рубинами, жемчугами).

По своему содержанию русские книги допетровского времени (XI—XVII века) делятся на три большие группы: 1) богослужебные; 2) религиозные «четы» книги; 3) полусветская и светская литература. Первая группа по составу самая малочисленная, но по количеству экземпляров, бывших ранее и дошедших до нас, — самая крупная, составляющая большинство из всего фонда древнерусских книг. В нее входили Евангелия, Апостолы (деяния и послания апостолов), псалтыри (сборники духовных стихов-псалмов и молитв), минеи (сборники текстов церковных служб, посвященных отдельным святым или праздникам и расположенных по месяцам) и некоторые другие богослужебные книги. Они бытовали в приходских храмах и в монастырях, будучи обязательным атрибутом церковной службы в храме. Поэтому видовой состав богослужебных книг был устойчивым и не менялся с течением времени.

Вторую группу составляли религиозные книги, но не для церковной службы, а для чтения. Их отличало большее жанровое разнообразие. Среди них: четьи-минеи (жизнеописания святых, расположенные по месяцам для обычного чтения); патерики (собрания сочинений Отцов Церкви и рассказы о них); различные биографии святых (жития или агиография); псалтыри следованные (с добавлением часослова, то есть «последование дневных служб»); всевозможные сборники или изборники, содержавшие выписки из библейских книг, трудов богословов и знаменитых проповедников; творения Отцов Церкви и толкования на них. В отличие от богослужебных книг, состав религиозных «четьих» книг постоянно расширялся, увеличивалось и количество экземпляров. Больше всего книг второй группы собиралось в монастырских книгохранилищах. Эта «четья» церковно-учительная литература имелась также в княжеских библиотеках, в крупных городских соборах, в книжных собраниях церковных владык. Такая литература использовалась не только для душевспасительного чтения, но и для обучения грамоте. Речь идет прежде всего о Псалтыри, по которой, как и по Часовнику, русские люди учились грамоте. Псалтырь была самой популярной книгой грамотного человека и сопровождала его всю жизнь.

Третья группа книг самая сложная по составу и наименьшая по количеству экземпляров. Книги светского содержания не принадлежали к числу тех, ко-

торые надо было обязательно сохранять, как, например, библейскую литературу. Они в наибольшей степени были подвержены влиянию времени и вкусов владельцев, поэтому хуже всего сохранились. К светским и полусветским книгам относились хронографы (сочинения по всемирной истории), летописи, изборники, измарагды (слова и поучения на темы христианской морали, предназначенные для домашнего и монастырского келейного чтения), палеи (комментированный Ветхий Завет), повести (в основном об отдельных исторических событиях), хождения (описание путешествий в Святую землю; исключение — «Хождение Афанасия Никитина за три моря», которое относится к типу «антихождений»), слова (среди которых — шедевр древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»), поучения, сказания, моления (самое знаменитое — «Моление Даниила Заточника»), княжеские родословцы и другие произведения. Такая литература бытовала в княжеских и других частных собраниях и в монастырских библиотеках.

Изучением этих древних и средневековых рукописей и целых комплексов рукописных книг занимаются специалисты — палеографы и кодикологи. Палеография (от древнегреческих слов *παλαιός* «древний» и *γράφω* «пишу») — это историческая дисциплина, которая изучает внешние признаки рукописных памятников: тип (графика) письма, материал (пергамен, бумага) и орудия для письма, водяные знаки (филиграни) на бумаге, формат и переплет ру-

кописей, а также художественные украшения в них (орнамент и миниатюры). Эти внешние признаки рассматриваются в их историческом развитии, чтобы с помощью специальных методик палеографического анализа уметь правильно прочесть текст, датировать недатированные рукописи, определить авторство и место создания рукописи, установить подлинность документа.

Другая историческая дисциплина, также изучающая рукописи, — кодикология (от латинского слова *codex* «книга» и древнегреческого λόγος «слово, знание, наука»). Она изучает историю создания и судьбу отдельных рукописных книг и комплексов книг, работу писцов, историю деятельности скрипториев, а также процесс собирания книг и историю книжных собраний; выясняет роль рукописных книг в истории культуры. Кодикологи наряду с археографами* занимаются описанием рукописных книг, составляют их каталоги.

К рукописной книге в Древней Руси относились как к священной реликвии. Она, как чудо, поражала воображение человека тем, что содержала в себе, в своих маленьких знаках-буквах, огромный духовный заряд и целый мир переживаний, волнений, радостей и слез. Книги всегда считались большой ценно-

* Археография (от древнегреческих слов ἀρχαῖος «древний» и γράφω «пишу») — историческая дисциплина, занимающаяся поиском, описанием и публикацией письменных исторических источников.

стью, в том числе и материальной. В завещаниях великих князей, которые передавали по наследству своим детям целые государства, перечислялись и ценности казны вместе с книгами, хранившимися там. Стоимость отдельных книг, богато украшенных миниатюрами и орнаментом, с драгоценными переплетами-окладами могла быть сравнима со стоимостью земельных владений. И даже обычные по содержанию, небольшие по размеру и просто оформленные книги стоили дорого. Так, известен случай, когда князь Владимир Васильевич Волынский, слывший знатным книжником, во второй половине XIII века пожертвовал церкви небольшой (80 листов) молитвенник размером в восьмую часть пергаменного листа, заплатив ранее за него 8 гривен кун (примерно 400 г серебра); он же купил село за 50 гривен кун. Известно также по летописям, что во время осады городов неприятелями жители стаскивали в большие каменные церкви, как в последнее прибежище, свои сокровенные богатства, среди которых отмечались и книги.

Испокон веков книги особо ценили за их духовное богатство. Об этом свидетельствуют многочисленные записи, афоризмы и поговорки в древнерусских сочинениях. Изборник князя Святослава Ярославича 1076 года начинается словами: «Добро есть, братья, почитание книжное, красота воину — оружие и кораблю — ветрила (паруса), так и праведнику — почитание книжное». В «Повести временных лет» о книгах сказано: «Это ведь — реки, напоющие вселенную, это

источники (“исходища”) мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими в печали утешаемся; они — узда воздержания». И еще одно яркое изречение из сборника афоризмов и мудрых мыслей XII века под названием «Пчела»: «Ум без книг, как птица без крыльев (“опешена”). Как она взлететь не может, так же и ум не достигнет совершенного разума без книг».

Несмотря на то что к книгам и вообще к рукописям отношение было в высшей степени уважительное и бережное, до наших дней их дошло ничтожное количество, особенно это касается древнерусских книг XI—XV веков. И совсем плохо сохранились рукописи (как и другие материальные и культурные ценности) домонгольского периода, то есть до середины XIII века. Ученые неоднократно пытались реконструировать их количество и видовой состав. Одна из таких попыток была предпринята историком Б.В. Сапуновым, большим знатоком книжной культуры домонгольской Руси*.

Он разработал специальную методику для гипотетического восстановления древнерусского книжного фонда и пришел к выводу о том, что с начала XI века и до 1240 года, то есть до татаро-монгольского нашествия, на Руси могло быть не менее 140 тысяч экземпляров рукописных книг нескольких сот наименований. Сохранилось же до настоящего времени всего лишь около 1300 пергаменных рукописей XI — нача-

* Сапунов Б.В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.

ла XV века, из которых только примерно 190 экземпляров относятся к домонгольскому времени. Это значит, что до нас дошло менее одного процента от всех рукописей XI — первой половины XIII века.

Более того, из всего, что сохранилось, бóльшую часть представляют фрагменты книг.

Так, от XI века осталось только семь полностью сохранившихся и поддающихся точной датировке книг. Это — древнейшая датированная книга Остромирово Евангелие 1056—1057 годов, два Изборника князя Святослава Ярославича 1073 и 1076 годов, Архангельское Евангелие 1092 года и три новгородские минеи конца XI века². От XII века сохранилось в целом виде восемь книг: четыре Евангелия (среди них Мстиславово Евангелие, около 1115 года), два праздничных стихираря (сборники песнопений без нот) и два древнейших русских документа (жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича, данная Новгородскому Юрьеву монастырю около 1130 года, и вкладная грамота Варлаама Хутынского 1192 года). От XIII века осталось 20 полностью сохранившихся рукописей, из которых только семь относятся к домонгольскому времени. Самая ценная из рукописей XIII столетия — это Кормчая 1282 года с древнейшим списком Русской Правды, сводом законов Киевской Руси. В XIV веке число рукописей прибавляется, а в XV веке, с распространением бумаги как основного материала для письма, количество рукописных памятников заметно увеличивается, но только малая часть их дошла до наших дней.

Основные причины гибели рукописей — войны и пожары. Особенно много было на Руси междоусобных войн. По подсчетам ученых, в период с 1055 по 1238 год произошло около 80 локальных войн, некоторые из которых тянулись по 12—17 лет. Много материальных ценностей погибло во время нападения кочевников на древнерусские города. Так, в 1203 году половцы захватили Киев — «Софию и Десятинную церковь разграбили, и монастыри все и иконы ободрали, а иные похитили, и кресты и сосуды священные, и книги»*.

Катастрофический урон русской культуре нанесло татаро-монгольское нашествие. А затем наступившее с середины XIII века господство Золотой Орды на столетия затормозило развитие древнерусской цивилизации. И после Батыева гибли книги во время войн, которых с середины XIII и до середины XV века насчитывалось более 160, в основном с внешними врагами. В «Повести о московском взятии царя Тохтамыша» автор — современник татарского разгрома Москвы 26 августа 1382 года — с грустью отмечал: «Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради — те все до единой погубили»**.

* *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1961. Т. 1. С. 99.

** *Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века* (далее — ПЛДР). М., 1981. С. 199.

Лучше всего сохранились книги в Великом Новгороде, который до начала XVII века врагами не был тронут. Но и здесь — так же, как и в других русских деревянных городах и селах, — нередко случались пожары. С 1045 года до XIX века в Новгороде было отмечено летописями 108 пожаров, во время которых сгорело не менее 816 церквей*.

Конечно, не во всех случаях горели именно рукописи, но летописи сохранили немало точных указаний на гибель книг. Огромное их количество сгорело в Москве в больших пожарах 1547, 1571, 1574 годов, во время польско-шведской интервенции начала XVII века. Тяжелый удар по древнерусской книжности нанесла церковная реформа Никона середины XVII века, во время которой было уничтожено множество до-реформенных богослужебных книг. В 1737 году сгорел старый Кремлевский дворец в Москве с остатками библиотеки московских государей, а в 1777 году — богатейшая библиотека в Киеве. В 1812 году, когда армия Наполеона хозяйничала в древней столице, московский пожар сгубил многие ценнейшие книжные собрания, в том числе библиотеку графа А.И. Мусина-Пушкина вместе с единственным списком «Слова о полку Игореве» XVI века.

Однако, несмотря на многочисленные превратности истории, случалось и невероятное стечение обстоятельств, благодаря которым какая-то часть древ-

* Сапунов Б.В. Книга в России в XI—XIII вв. С. 18.

нерусских книг XI—XV веков все же дошла до наших дней. Тем более мы должны быть благодарны судьбе за то, что среди уцелевших рукописей оказались такие уникальные экземпляры, как Кёнигсбергская летопись.

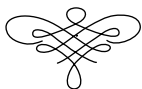
Если вас, читатель, заинтересовала древнерусская книжная культура и судьба ее отдельных раритетов, прочитайте эту книгу до конца, и вам, может быть, ближе и понятнее станет наше общее прошлое.

ЦАРСКОЕ ОТКРЫТИЕ



Должно приучить россиян к ува-
жению собственного...

Н.М. Карамзин



Петр I и Кёнигсберг

В нашей общей исторической памяти образ царя-реформатора Петра I прочно связан с представлением об обновлении России, об изменении ее самобытного пути развития. Да, европейский путь оказался для нас трудным и извилистым настолько, что, до сих пор блуждая по нему как зачарованные странники, мы с постоянством обреченных не перестаем истязать себя (вплоть до самоистребления) вечным вопросом: туда ли идем? Когда триста лет назад молодой Петр первым отправился вперед по новой исторической дороге, он был твердо уверен в своем выборе. И одной из первых остановок на его пути оказался прусский Кёнигсберг.

Случилось это в мае-июне 1697 года. Петр прибыл в город на Прегеле в составе Великого посольства под вымышленным именем Петра Михайлова, чтобы лучше изучить европейские порядки — в ранге частного лица, а не монарха. В те времена Кёнигсберг был ближайшим европейским городом, через который проходил один из традиционных путей русских купцов и дипломатов в Европу.



Петр I. Портрет, выполненный в Карлсбаде Я. Купецким
в 1711 году

Официальные отношения между Московским государством и Тевтонским орденом в Пруссии были установлены еще в 1517 году, когда московский великий князь Василий III и верховный магистр ордена Альбрехт³ подписали союзный договор, направленный против общего противника — польского короля. В то время Россия как новое независимое государство, освободившееся от власти Золотой Орды в 1480 году, только появилось на политической карте Старого Света, а государство Тевтонского ордена доживало свои последние годы. Война ордена с Польшей за ос-

вобождеие от вассальной зависимости закончилась безуспешно, и Альбрехт в 1525 году решился на секуляризацию ордена, то есть превратил его в светское герцогство, ставшее отныне оплотом евангелической церкви на востоке германских земель. Когда русский царь Петр I впервые приехал в Кёнигсберг, герцогство уже было независимым Бранденбургско-Прусским курфюршеством. Правил им курфюрст Фридрих III, который настойчиво добивался от императора Леопольда королевского титула и в конце концов добился этого: 18 января 1701 года в Кёнигсберге он стал первым прусским королем Фридрихом I⁴.



Бранденбургский курфюрст Фридрих III.
Художник Г. Романдон. 1690 г.

Как известно, после Великого посольства царь Петр неоднократно бывал в Кёнигсберге. Во второй раз он заехал в этот город вместе с женой Екатериной совсем ненадолго, на три дня — 9–11 ноября 1711 года. Краткий визит, однако, оказался довольно насыщенным и имел важные последствия для русской культуры и исторической науки; история этого события лежит в основе нашего повествования.

Незадолго перед тем, в 1709–1710 годах, город и вся Пруссия пережили большое несчастье — самую страшную за всю историю эпидемию чумы, от которой погибло свыше 235 тысяч жителей королевства, в том числе около 10 тысяч кёнигсбержцев. Кстати, именно из-за чумы не состоялся запланированный на осень 1709 года визит Петра I в Кёнигсберг, и поэтому его встреча с союзником — королем Фридрихом I состоялась тогда в замке Мариенвердер (ныне город Квидзын в Польше). Обратный путь царя в Россию лежал через другие прусские города: Бартенштейн (Бартошице), Инстербург (Черняховск), Рагнит (Неман).

В изнурительной Северной войне 1700–1721 годов, которую Россия вела со Швецией, добиваясь выхода к Балтийскому морю, после триумфальной Полтавской победы (1709) 1711 год оказался для русских одним из самых неудачных: Петр начал войну с союзником шведов — турецким султаном и в июле на реке Прут чуть не потерял всю свою армию, попавшую

в окружение вместе с царской четой. Армию удалось спасти, но по условиям мирного договора Россия потеряла прежние приобретения на берегах Азовского моря.

Все это время Петр тяжело болел и осенью 1711 года вместе с Екатериной (она стала женой царя перед Прутским походом после негласного венчания) отправился поправить здоровье в Карлсбад (нынешние Карловы Вары в Чехии). После лечения был отпразднован в городе Торгау брак наследника престола царевича Алексея с принцессой вольфенбюттельской Шарлоттой, родственницей императора. Там же состоялась знаменательная встреча и беседа Петра с немецким философом Лейбницем, которая легла в основу петровского плана создания в России Академии наук. Затем в прусском городе Кроссене Петр встретился с представителями союзников и обсудил с ними план дальнейших военных действий в районе Штральзунда. Из Кроссена царская чета выехала в Россию через Эльбинг (Эльблонг), откуда 7 ноября на яхтах по заливу Фришес-Гафф (Калининградский, или Вислинский) переправилась в Пиллау (Балтийск) и наконец в пятницу 9 ноября прибыла в город на берегу Прегеля.

Это был первый официальный визит русского монарха в Кёнигсберг с соответствующими почестями со стороны хозяев, среди которых выделялись герцог фон Гольштейн, граф фон Дёнхоф, граф фон Дона,

граф фон Шлибен, бургомистры городов и другие представители прусского короля Фридриха I, который сам в то время находился в Берлине — столице Бранденбургско-Прусского государства.

Кёнигсберг на рубеже XVII—XVIII веков хотя и потерял столичный статус, но оставался важным политическим и культурным центром Пруссии, местом коронации всех прусских монархов. По числу жителей (40 тысяч человек) он в два раза превосходил Берлин. Известный историк города Фриц Гаузе так описывает Кёнигсберг, каким его увидел впервые в 1697 году Петр I: «Своими стенами и воротами, узкими улицами и пристройками перед домами город производил впечатление средневекового, да и замок был еще таким, каким его оставили герцоги Альбрехт и Георг Фридрих (в XVI в. — В. Г.). Различными мануфактурами, кофейнями и чайными, новыми домами французских и английских купцов в трех городах, дворянскими поместьями в слободах, новой ратушей в стиле ренессанса в Альтштадте, с реформатской церковью, построенной старшим строительным директором курфюрста Иоганном Арнольдом Нерингом, Кёнигсберг покидал Средневековье, вращая в Новое время»*.

* Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994. С. 123.



Кёнигсберг, план города 1652 г.

Когда Петр I приехал в Кёнигсберг в 1711 году, город заметно изменился. К тому времени король Фридрих I, любивший роскошь, постарался придать ему вид королевской резиденции. Архитектор города Иоахим Людвиг Шультхайс фон Унфридт сумел талантливо воплотить в жизнь господствовавшие тогда в архитектуре идеи регулярности и равномерных пропорций, на основе которых строил Санкт-Петербург и Петр I. Наиболее важным делом Унфридта стала перестройка бывшего орденового замка в королевскую резиденцию в стиле барокко. При этом большая часть замка герцога Альбрехта была сохранена, сооружена юго-восточная часть, а на восточ-

ной стороне замка заложена парадная Замковая площадь. Кроме того, построили Россгартенские ворота и Трагхаймскую церковь. По примеру Берлина открытые колодцы заменили водоколонками, была создана система отвода сточных вод, а также очистки прудов и рвов от ила*.



Замок Кёнигсберг. Вид XVIII в.

В Кёнигсберге царя с Екатериной собирались разместить в обновленном королевском замке, однако Петр, как и в прошлый раз, решил остановиться у

* Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. С. 125–126.

своего доброго знакомого, бургомистра Христофора Негеляйна, дом которого находился в Кнайпхофе, на юго-западном берегу острова. В замке же был устроен официальный прием с обедом. Сохранились подробные сведения о распорядке дня царя. На следующий день, 10 ноября, была суббота, поэтому Петр с утра помылся в бане, а потом плавал на лодке по Прегелю сначала вверх до Литовского вала (сойдя на берег, он побывал в сиротском приюте), а затем вниз до «Голландского бревна», перекрывавшего проход судов в случае опасности. Рядом стоял большой голландский корабль. Петр поднялся на него, поговорил по-голландски с матросами, выпил с ними вина, а затем вернулся в дом Негеляйна.



Вид на южную часть острова Кнайпхоф.
Крайний слева — дом Х. Негеляйна.
Рисунок середины XIX в.

Во второй половине того же дня, перед тем как отправиться на ужин во дворец герцога фон Гольштейна, Петр вновь побывал в замке: осмотрел «зал московитов» (предположительно названный так потому, что в начале XVI века там принимали первых московских послов), канцелярию и архивы, немного задержался в дворцовой библиотеке.



«Зал московитов» в Кёнигсбергском замке.
Фото начала XX в.

На следующий день, 11 ноября, Петр гулял по городу. Он побывал в некоторых домах и церквях, зашел в кабачок на Кнайпхофской Ланггассе, рядом с домом Негеляйна, а после обеда отбыл вместе с женой из Кёнигсберга в Россию по маршруту: замок Шаакен (пос. Некрасово), Куршский залив, Мемель (Клайпеда), Петербург. Двадцать пятого ноября в Бер-

лин был отправлен отчет о пребывании русского царя в Кёнигсберге, причем, как оказалось, наиболее подробные и точные сведения об этом событии сохранились именно в немецких, а не русских источниках*⁵.

Вернемся, однако, к наиболее важному для нас факту этой истории — знакомству Петра I с Замковой библиотекой.

Библиотека Кёнигсберга

В Кёнигсберге в то время было четыре наиболее крупных и ценных библиотеки: Валленродская, городская, университетская и дворцовая, или Замковая.

Первая и, пожалуй, самая знаменитая из них принадлежала роду прусских дворян Валленродов. Основателем библиотеки был канцлер Мартин фон Валленрод (1570—1632), собиравший рукописи и книги по разным отраслям науки. К концу его жизни, несмотря на пожар 1623 года, уничтоживший все книжное собрание, во вновь восстановленном фонде насчитывалось уже около двух тысяч томов. Библиотека пополнялась при наследнике Мартина Валленрода — графе Иоганне Эрнсте. В 1650 году по решению совета Кнайпхофа и с согласия графа ее поместили для хранения в специально приготовленные комнаты башенной части Кафедрального собора, что рядом с университетом. С тех пор Валленродская библиотека стала главной научной и учебной базой

* См.: Кретинин Г.В. Прусские маршруты Петра Первого. Калининград, 1996. С. 124—128.